

ОСТАЕТСЯ

ДЛЯ НАС

УЧИТЕЛЕМ

Сов. Россия, -1987-22 марта

Мне кажется, с годами Черкасов не отходит от нас как живой человек, а становится ближе. Ибо дело, которому он служил всю жизнь, перешло к нам. Черкасов умел играть людей сложных, с трудной судьбой, мужественных и бесконечно преданных делу России, Советской власти, делу интернациональной дружбы. Благодаря ему многие видели воочию — «делать жизнь с кого». Так силен был тот положительный потенциал, которым обладали его полные жизненной правды герои. Сегодня мы испытываем дефицит в таких актерах. Многие наши «положительные» образы ходульны и пресловуто «положительны». Не хватает на сцене добрых, справедливых, мужественных героев. Пусть они будут люди не великие, а простые, сегодняшние, живые. Но к тому же — высокой духовности, морали, не желающие мириться с безобразиями, которые есть в нашей жизни, со всеми болевыми точками нашего времени, о которых мы сегодня столь открыто говорим.

Но в увлечении этой открытостью, которая прекрасна и расковывает творчество, мы порой невольно «выдаем нагора» полуправду. Поясню, что я имею в виду. Разве не полуправда, говорить только о негативном, дурном? Говорить об этом надо, и говорить гневно, с болью. Но при этом нельзя забывать, что не оскудела русская земля добрыми, порядочными, честными людьми! Мне кажется, вполне понятная по-человечески, но опасная с гражданской точки зрения невольная «полуправда» мешает нашей молодежи быть такой, о какой мы сегодня мечтаем, — подхватывающей эстафету старших поколений честных людей, смело вступающей в ответственный процесс общественной перестройки.

Я не отвлекся от разговора о Черкасове — он был и в жизни, и в искусстве таким борцом за правду, за справедливость. В чем-то азартным, но обаятельным, уверенным, щедрым борцом. В этом его великий подвиг — актера и гражданина.

Сопричастность к дню сегодняшнему, боль за то, что не получается, и почти детская, мальчишеская радость, когда что-то выходит — в стране, у товарища, в соседнем театре, у себя в коллективе, а также раскованность, раскрытость, распахнутость — это всегда поражало в Черкасове.

...Шли его последние дни. Играли спектакль «Все остается людям». Шел я за кулисами — и вдруг обращается ко мне наша старая актриса с просьбой: помогите, мол. И бумагу протягивает. «Что я могу? — отвечаю. — Я молодой артист. Впрочем... Давайте попробуем — снесем Черкасову. Он депутат, его подпись много значит». И вот захожу я в грим-уборную Черкасова. Вижу, сидит он совершенно отрешенный, будто вдавленный в кресло, задыхающийся, вокруг лекарства какие-то. Я этак бодро: «Николай Константинович! Тут актриса одна... Ей надо...» Вдруг он просто захрипел: «Уйди!.. Видишь — Черкасов умирает...» Я испугался, ушел подавленный. А он все-таки собрался, сыграл спектакль. Уже выхожу из театра и вдруг слышу по радио: «Горбачева к Черкасову!» Что такое? Снял шапчонку — бегу к нему. А он сидит еще в гриме — трудно ему было, страшно трудно. Все давно ушли... Посмотрел на меня исподлобья и говорит протяжным басом своим: «Ну что ж ты? Извини, брат... Где твоя бумага? Давай подпишу!» Весь спектакль, значит, помнил, что кому-то плохо, что он что-то не успел сделать...

Я считаю Черкасова своим учителем, хотя в институте у него не учился, был он учителем в жизни, на сцене, в общении с людьми. Давал пример, каким должен быть общественный деятель. И все это делал с таким наслаждением, с таким вкусом к жизни.

С точки зрения профессиональной он был уникален. Ему была по силам и высокая трагедия — я помню сцену смерти сына Грозного в «Великом государе», мурашки по коже бегали. И роли комические. Например, Осипа в «Ревизоре» он играл так, что мы, актеры, от смеха удерживались с трудом. А танцевал как! Показывал нам, как в юности изображал Пата... Это умение видеть в жизни и трагическое, и комическое, видеть и донести до зрителей — качество редкостное.

Черкасов — представитель истинно русской школы драмы: исповедальной и самосгорающей. Он отдавался роли весь. Задыхался на сцене от ярости, если это надо, и это была его, черкасовская, ярость, переплавленная в тот или иной характер.

Вот почему он был истинным александринцем. Вот почему в кабинете у меня, художественного руководителя театра, только три портрета: Давыдова («дедушки Давыдова»), Юрьева и Черкасова. Три портрета не потому, что я недостаточно чту Станиславского или Вахтангова. Чту — это были гении, обобщившие опыт всего русского театра. Но три портрета эти олицетворяют «трех китов», на которых зиждется эстетическая позиция нашего театра. Давыдов — это народно-демократическая тема; героико-романтический театр — Юрьев; и — Черкасов с его гражданским пафосом, с воплощенными им лучшими чертами современника.

Он был печальником за весь наш актерский цех. Вокруг него собирались люди, всегда ему было о чем рассказать. А юмора и перца ему было не занимать. Живой человек. Личность. Черкасов имел идеалы, нес их с гордостью. И сегодня — как никогда — важно давать людям образцы такого высокого духа. Давать активное, доброе искусство, чтобы верили они — зло можно победить, что есть в жизни герои, которые дают бой равнодушию, чванству, администрированию, бюрократии, меркантильности, которые живут другой — духовной, нравственной жизнью.

Черкасов умел о таких людях рассказать, потому что был гениальным артистом и потому что сам всегда оставался таким.

Игорь ГОРБАЧЕВ,
народный артист СССР.